

[Рец. на: / Review of:] **P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.). Contemporary approaches to Baltic Linguistics.** Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. viii, 554 p. (Trends in linguistics. Studies and Monographs. Vol. 276.) ISBN 978-3-11-034395-3.

Наталья Михайловна Заика

Natalia M. Zaika

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; n.zaika@spbu.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; n.zaika@spbu.ru

Изучение балтийских языков, столь бурно развивавшееся в XIX в. в период расцвета сравнительно-исторического языкознания, в настоящее время занимает гораздо более скромное место на мировой лингвистической арене. Тем более важными являются современные исследования по балтистике, выполненные на высоком профессиональном уровне, одним из которых является настоящий том. В основу издания легли работы, представленные на конференции, проведенной в Москве в 2009 г., и одним из заседаний Societas Linguistica Europaea 2010 г. Главы сборника написаны исследователями из России, Литвы, Польши, США, Японии, Германии и Швеции, преимущественно функциональными лингвистами (хотя редакторы и пытаются это отрицать, ср. «[w]e have not let ourselves guided by functionalists' or formalists' prominence», с. 1), работающими в рамках разных теорий. Сборник не объединен общей темой и рассматривает разные уровни языка от фонологии (как сегментной, так и супraseгментной), морфологии и синтаксиса до прагматики, причем наиболее значительное внимание традиционно уделяется морфосинтаксическим особенностям балтийских языков. Исследования являются преимущественно синхроническими; авторы рассматривают как литературные языки, включая разговорный стиль, так и диалекты. Анализу литовских данных при этом уделяется гораздо больше места, чем анализу латышских, что, несомненно, связано с общим состоянием исследований в литуанистике и леттонистике. Среди работ имеются ареально-типологические, посвященные циркумбалтийским языкам, а также контрастные, в которых, например, сопоставляются данные литовского и русского языков. Издание представляет интерес как для балтистов, так и для широкого круга лингвистов других специальностей. Доступность материала для неспециалиста по балтийским языкам обеспечивается глоссированием и подробными комментариями типологического характера.

Сборник состоит из 14 глав. Обзорная глава П. М. Аркадьева, А. Хольфута и Б. Вимера «Introduction: Baltic linguistics — state of the art» посвящена современному состоянию исследований по балтистике. Авторы приводят общие сведения о литовском и латышском языках и латгальском идиоме (последний из них, наименее описанный, некоторые лингвисты признают диалектом латышского, тогда как другие — отдельным языком). В главе представлены данные, связанные с генетической классификацией балтийских языков, как живых, так и вымерших. Приведена информация о стандартизации языков и основных исследованиях, анализируются наиболее значительные издания. В главе подчеркивается недостаточность балтийского материала в типологических работах и недоступность работ, написанных на балтийских языках, для широкой лингвистической аудитории. Взгляд авторов на современное состояние изученности балтийских языков можно охарактеризовать как резко критический. Так, справедливо отмечается значительное влияние младограмматической и советской академической традиции на существующие грамматики литовского языка. Ярким примером этого влияния является академическая грамматика [Ambrasas 2006], в которой синтаксическое описание в значительной степени ориентировано на академические грамматики советского периода. Печально обстоят дела и с языковыми корпусами, в чем,

несомненно, имел возможность убедиться каждый исследователь, работающий с корпусом литовского языка [ЛКТ] в тщетных поисках минимальной морфологической разметки. Далее в главе представлено уровневое описание живых балтийских языков, после чего эти языки описываются и в ареальном аспекте. Авторы выделяют типологически интересные черты, такие как одновременное наличие подвижного ударения и так называемых слоговых интонаций в литовском, категорию дебитива в латышском и ряд других. Завершается введение кратким обзором глав тома и обширной библиографией. Некоторые теоретические положения авторов, как представляется, требуют большей эксплицитности. Так, читателю, не знакомому с балтийским материалом, остается непонятным, почему супрасегментное явление, характерное для некоторых долгих слогов в балтийских языках, следует называть слоговыми интонациями («syllable intonations»), а не тонами (с. 7). Несмотря на то, что глава не предполагает подробного описания балтийских языков, думается, что в нее было бы полезно включить минимальные сведения о времени появления первых текстов и развитии соответствующих литературных языков. Для русскоязычного читателя, знакомого со сборником «Языки мира. Балтийские языки» [Топоров и др. 2006], новыми в рецензируемом сборнике окажутся в первую очередь информация о семантических и прагматических исследованиях в области балтистики, а также анализ ареальных и типологических особенностей балтийских языков. Глава, несомненно, будет полезной для исследователей, которые захотят вкратце ознакомиться с балтийскими языками.

В статье Х. Х. Хока «Prosody and dialectology of tonal shifts in Lithuanian and their implications» рассматриваются тоновые и акцентные изменения в литовском (в аукштайтских говорах эти изменения связаны с сокращением конечных гласных, а в жемайтских апокопа не является обязательной). Автор интерпретирует соответствующие процессы в аукштайтских говорах как оттяжку ударения на одну мору вперед, что позволяет экономно описать целый ряд фонологических процессов, происходящих в разных словоформах. Таким образом, ударение получает тот слог, в котором находится предпоследняя мора: если ударный слог последний, то интонация акутовая, а если предпоследний — циркумфлексная. В работе демонстрируются типологические параллели рассматриваемого явления из тагальского, санскрита, сербохорватского и других языков. Отметим, что такой подход был характерен для автора уже в 2010 г. (ср. работу [Носк 2010: 109], в которой упоминаются диалекты литовского), но в рассматриваемом исследовании он получает дальнейшее развитие. Оттяжка ударения в жемайтских говорах происходит по другим фонетическим законам, но, как показывает автор, просодические процессы и в аукштайтских, и в жемайтских говорах объясняются так называемым «эффектом конечной позиции» (finality effect), который заключается в том, что позиция конца высказывания является просодически непривилегированной и такое непривилегированное положение затем распространяется на конец слова. В статье не представлены принципиально новые данные, однако она может служить хорошим фоном для типологических и контрастивных исследований по просодике.

А. Д. Даугавет рассматривает удлинение первого компонента дифтонгов в литовском в ареальном аспекте. Название главы «The lengthening of the first component of Lithuanian diphthongs in an areal perspective» несколько вводит в заблуждение, поскольку латышский и ливский языки представляются для описания настолько же важными, как и литовский: скорее речь идет о контрастивном исследовании на материале балтийских языков (литовского и латышского) и финно-угорского языка (ливского). Автор дает подробное описание просодических явлений, связанных с фонетической реализацией слоговых интонаций на долгих гласных, дифтонгах и дифтонгических сочетаниях (гласных с сонорными, входящими в один слог), выявляя общие для рассматриваемых языков изменения, ранее не привлекавшие внимания балтистов. К сожалению, в главе отсутствуют экспериментальные фонетические данные, поэтому не всегда ясно, откуда получены сведения об удлинении (например, с. 152). В исследовании устанавливается связь между различными типами вокалического удлинения: удлинением первого компонента дифтонгов и дифтонгических сочетаний и удлинением гласных в ударном слого. Традиционному взгляду на соответствие

балтийским слоговым интонациям в дифтонге разницы между ударной и безударной морфой противопоставляется взгляд, согласно которому продленный компонент дифтонга состоит из двух мор.

Работа И. Дабашинскене и М. Д. Воейковой «Diminutives in spoken Lithuanian and Russian: Pragmatic functions and structural properties» представляет собой контрастивное исследование диминутивов в русском и литовском языках. Диминутивы как в русском, так и в литовском уже неоднократно служили объектом изучения, однако авторам главы удается найти новые аспекты, достойные внимания. Помимо стандартного употребления, авторы исследуют прагматические функции диминутивов в речи, обращенной к детям, любимым людям и даже домашним животным. Рассматриваются словообразовательные и акцентные особенности диминутивов. Авторы устанавливают, что как в русском, так и в литовском языке к основе может присоединяться до трех-четырех диминутивных суффиксов, а сами диминутивные суффиксы могут находиться в отношениях свободного варьирования и иметь крайне широкую дистрибуцию, присоединяясь не только к существительным и прилагательным, но и, реже, к наречиям и даже глаголам (впрочем, трактовка аттенуативного глагольного суффикса *-telė-* как диминутивного в *šok-telė-ti* ‘немного попрыгать’, производного от *šok-ti* ‘прыгать’ (с. 206), представляется нам небесспорной). В главе также демонстрируется большая лексикализованность русских диминутивов по сравнению с литовскими и выявляются различия в употреблении диминутивов в финансовой сфере.

В работе японского латтониста Д. Хоригути «Latvian attenuative *pa-*verbs in comparison with diminutives» латышские глаголы с аттенуативным префиксом *pa-* сопоставляются с диминутивными именами. Сопоставления такого рода на материале других языков уже существуют, ср. описание данных категорий в русском [Menzenski 2013] и трактовку аттенуативных глаголов типа *mordiller* ‘покусывать’ как диминутивных во французском [Henri 2012: 216], однако на материале балтийских языков такое сопоставление производится впервые. Автор дает подробное описание семантики и дистрибуции исследуемого показателя, включающее детальное толкование конкретных примеров. В результате Хоригути приходит к выводу о том, что оба показателя, и именной, и глагольный, могут употребляться в экспрессивной функции. Интерпретации автора не всегда являются бесспорными: так, представляется, что семантика приставки *pa-* в некоторых примерах автора является не аттенуативной, а делимитативной, ср. *daudz pastrādāt* ‘много поработать’ (с. 255), несмотря на то, что автор эксплицитно пытается развести эти два способа глагольного действия (с. 243).

Работа К. Андерсон «Non-canonical case patterns in Lithuanian» посвящена неканоническому падежному маркированию в литовском. Анализируется несколько случаев подобного рода. Во-первых, внимание Андерсон привлекает возможность пассивизации аргументов некоторых глаголов в косвенных падежах, таких как *atstovauti* ‘представлять’, управляющего дативом, или *ieškoti* ‘искать’, управляющего генитивом. Далее рассматриваются конструкции с объектным дативом и генитивом в целевых конструкциях: *iššov-ė* (выстрелить-РСТ.3) *žmon-ėms* (люди-ДАТ.PL) *pagąsdin-ti* (напугать-INF) ‘выстрелил, чтобы напугать людей’, *išėj-o* (выходить-РСТ.3) *pien-o* (молоко-GEN.SG) ‘вышел за молоком’. Последним автор анализирует вариативное аккузативно-инструментальное падежное маркирование при глаголах бросания (ср. *mesti* ‘бросать’), глаголах, обозначающих движение части тела (ср. *traukti* ‘пожимать’), глаголах издавания звука (ср. *barškinti* ‘бренчать’) и глаголах надевания (ср. *apsirengti* ‘надевать’). Автор приходит к заключению, что во всех случаях приписывание падежа имеет как структурные, так и семантические основания.

Проблема дативных субъектов давно привлекала внимание лингвистов. А. Хольфут в главе «Non-canonical subjects in Latvian: An obliqueness-based approach» рассматривает дативные именные группы в латышском языке в конструкциях с предикатами *patikt* ‘нравиться’, *žēl* ‘жаль’ со связкой и т. п., а также в конструкциях с дебитивом — категорией, выражающей долженствование, в которых датив имеет тенденцию встречаться в начале клаузы в тематической позиции. Второй аргумент в таких конструкциях выражен номинативом (в дебитивных конструкциях в некоторых случаях и аккузативом). Рассматриваемые

дательные именные группы обладают рядом субъектных свойств. Хольфут также анализирует предикаты с дательной-аккузативной или дательной-родительной рамкой управления, такие как *vajadzēt* 'быть необходимым'. В связи с этим автор развивает идеи, высказанные в работе [Holvoet 2013] о диффузной субъектности (*diffuse subjecthood*) — ситуации, когда в клаузе субъектные свойства распределяются по более чем одной именной группе, причем диахронически один из аргументов может терять субъектные свойства без того, чтобы другой аргумент их приобретал.

И. А. Сержант в работе «*Dative experiencer constructions as a Circum-Baltic isogloss*» выдвигает ряд критериев, позволяющих продемонстрировать, что рассматриваемые им грамматические свойства конструкций несут ареальный характер, а не являются результатом независимого параллельного развития. Автор анализирует конструкции с «дательным экспериенсером» (в частности, предикаты боли и предикативы со связкой) в восточной части циркумбалтийского ареала (литовском, латышском, русском, эстонском, финском и ливском). Экспириенсер в данных конструкциях выражается дательным или именной группой, имеющей в данном языке типично дательные функции, а стимул — номинативом. Дательный получает у автора семантическую трактовку (с. 326, 328); соответственно, дательная семантика понимается как семантика реципиента, бенефицианта, экспериенсера или (внешнего) посессора, в духе работы [Haspelmath 2003]. Для рассматриваемых именных и предложных групп характерно наличие или отсутствие одних и тех же субъектных свойств, например, они, как правило, занимают первую позицию в предложении и способны контролировать рефлексивы, но не могут быть нулевым субъектом при инфинитиве. Кроме того, они обладают сходными морфологическими свойствами, часто не будучи когнатами (с. 334). Такие особенности автор рассматривает как контактное явление, а не как результат независимого развития и не как случайное совпадение.

Н. Маскалюнене в главе «*Morphological, syntactic, and semantic types of converse verbs in Lithuanian*» дает подробное описание конверсивных предикатов в литовском языке, основанное на собственном корпусе из приблизительно 300 единиц. Автор понимает конверсивы достаточно широко: так, туда входят такие пары, как *klausti* 'спрашивать' — *atsakyti* 'отвечать', а также глаголы с вариативностью типа *sprau / load alternation*, которые автор рассматривает как автоконверсивы, что несколько противоречит ее же определению на с. 352 («the definition of LCs then is broadened to include all verbs capable of producing conversely related sentences at the syntactic level on condition that no demotion of semantic arguments occurs as a result of the transformation»). Маскалюнене классифицирует конверсивные пары на основании производящей основы, а также с синтаксической точки зрения. Семантическая классификация включает значительное число групп, однако остается неясным, в чем состоят особенности семантической классификации конверсивов по сравнению с не имеющими конверсивной пары предикатами. Достаточно полезным представляется список рамок управления конверсивных пар.

Связанные с аспектом категории в последнее время неоднократно привлекали внимание литуанистов, ср. [Holvoet, Čižik 2004; Pakerys, Wiemer 2007; Аркадьев 2012; Генюшене 2016] и мн. др. Обширная статья Э. Сакурай «*Past habitual tense in Lithuanian*» посвящена прошедшему многократному времени в литовском, показателем которого является суффикс *-dav-* и значение которого традиционно описывается как «повторяющееся действие в прошлом» (с. 387). Автор рассматривает сочетаемость простого и многократного прошедшего у приставочных и бесприставочных глаголов с обстоятельствами, выражающими итеративность и хабиутальность, а также обстоятельствами времени типа *vaikystėje* 'в детстве' или *vakar* 'вчера'. Грамматичность предложений оценивается информантами. Как выясняется, в литовском хабиутальность может выражаться как простым, так и многократным прошедшим, и автор прослеживает условия распределения данных форм. Другим интересным выводом является статистически подтвержденное более приемлемое употребление прошедшего многократного времени с обстоятельствами, обозначающими более отдаленное прошлое. Статья также содержит небольшое контрастивное исследование форм прошедшего времени с итеративным значением в русском и литовском.

Статья А. Усонене «Non-morphological realizations of evidentiality: the case of parenthetical elements in Lithuanian» посвящена вводным элементам с эвиденциальным значением в литовском. В этом языке имеется морфологическая категория эвиденциальности, однако значения соответствующей зоны и близких к ней зон могут выражаться и лексическими средствами. По утверждению автора, современные носители языка отказываются от морфологических средств в пользу лексических (вводных слов типа *matyt* 'очевидно', *atrodo* 'кажется', *tiesa* 'по правде говоря' и полипредикативных конструкций). Данные показатели, судя по квантитативным данным, отражающим дистрибуцию анализируемых единиц, уже прошли некоторые стадии грамматикализации (вероятно, в связи с этим автор осторожно отказывается от определения их частеречной принадлежности). Судя по исследованию, признаки грамматикализации рассматриваемых единиц можно наблюдать и на семантическом уровне: так, *aišku* 'ясно', чье исходное значение связано с визуальным восприятием, начинает выражать инференциальность.

Исследование К. А. Кожанова «Lithuanian indefinite pronouns in contact» связано с контактными явлениями в литовском морфосинтаксисе, автор впервые рассматривает в этом аспекте неопределенные местоимения. В главе анализируется один из белорусских говоров литовского языка, на котором говорят в селе Ромашканцы (Рамашконис). Объектом исследования служат местоимения с показателями неопределенности, являющимися прямыми заимствованиями или структурными кальками из славянских языков (ср. *abi* из белорусского, *bile* из польского, *tai* 'то', приобретшее функции русского аффикса *-mo* и т. п.). Автор отмечает, что калькирование неопределенных местоимений вполне закономерно, поскольку это явление вообще характерно для функциональных слов. Кожанову удается обнаружить в анализируемом материале некоторые типологически нетривиальные черты, например, случаи заимствования отрицательных местоимений (*nigdi / nigdy* 'никогда'). В статье не всегда подробно описана дистрибуция, сфера употребления и отличия друг от друга рассматриваемых неопределенных местоимений (например, остается неясным, может ли показатель *tai* выражать только неизвестность для говорящего или он способен, как русский аффикс *-mo*, употребляться в ирреальном контексте), но это, несомненно, может стать предметом дальнейших исследований.

Две главы сборника посвящены идеофонам. Б. Вельхли в статье «Ištiktukai "eventives" — The Baltic precursors of ideophones and why they remain unknown in typology» на материале литовского языка рассматривает достаточно нетривиальный типологически и имеющий давнюю традицию описания лексический разряд *ištiktukai* (устоявшийся перевод — «звукоподражательные междометия»). Эти лексемы Вельхли считает предшественниками идеофонов. Материалом исследования служит преимущественно роман М. Валанчюса 1863 г. «Palangos Juzė» (Юзе из Паланги). К сожалению, автор для проверки своих гипотез не прибегает к корпусным данным, несмотря на то, что уже выявленные звукоподражательные междометия достаточно легко ищутся в существующих корпусах литовского. Вельхли анализирует стилистические особенности данного разряда (он характерен прежде всего для фольклорного текста и разговорного стиля). Автор выделяет как типологически распространенные черты (нетривиальный фонемный инвентарь и фоновые особенности), так и типологически более редкие (синтаксически такие единицы ведут себя подобно глаголам и не употребляются с десемантизированными глаголами с основным значением 'идти', 'делать' или 'говорить'). Высказанная идея о том, что звукоподражательные междометия сочетаются преимущественно с прошедшим временем и реальными ситуациями (с. 501), как представляется, требует проверки: для нарративов, один из которых анализирует автор, реальные ситуации, реферирующие к прошлому, вообще представляют собой подавляющее большинство употреблений.

А. И. Даниленко в работе «The chicken or the egg? Onomatopoeic particles and verbs in Lithuanian and East Slavic» рассматривает оноματοпоэтические частицы (в другой терминологии идеофоны / звукоподражательные междометия) и соответствующие им оноματοпоэтические глаголы в балтийских и славянских языках. Автор ставит своей задачей определение

направления деривации в парах типа *хватать / хватъ* в русском и *čiupti* ‘хватать’ / *čiupt* ‘хватъ’ в литовском, остроумно называя это «проблемой курицы и яйца». Как отмечает Даниленко, традиционно считается, что оноματοпоэтические глаголы происходят из оноματοпоэтических частиц, однако сам он на основании семантических, морфосинтаксических и морфонологических критериев приходит к выводу, что направление деривации в действительности является противоположным. Ряд утверждений автора, как представляется, нуждается в более основательных доказательствах. Так, Даниленко заявляет, что для литовских оноματοпоэтических частиц, в отличие от славянских, характерна экспрессивная редупликация (в качестве примера приводится идеофон *trakš! trakš!*, соответствующий двойному повороту ключа в двери, с. 526). Однако аналогичные примеры можно найти и в русском языке, ср. *А он ему — хрясь, хрясь!* [НКРЯ]. В общей сложности сопоставление балтийского и славянского материала применительно к идеофонам, как показывает автор, демонстрирует ряд интересных различий (см. с. 538).

В целом сборник отличается не только тщательным отбором статей, но и качественной редакцией. Такие недочеты, как отсутствие переводов в примерах (с. 316), опечатки, скопированные при цитации («[I]a répartition typologiques», с. 274) и не только («kulūtōrs» вместо «kultūg», с. 348), и невыровненные глоссы (с. 264), являются достаточно редкими.

Появление рецензируемого сборника, несомненно, является значительным событием в современной балтистике. Издание будет полезным не только для балтистов, но и для специалистов по лингвистической типологии, фонологии, синтаксису и прагматике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2012 — Аркадьев П. М. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2012. Т. VIII. Ч. 2. Типология аспектуальных систем и категорий / Отв. ред. В. А. Плунгян. С. 45–121. [Arkadiev P. M. Aspectual system of Lithuanian (with the involvement of areal data). *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2012. Vol. VIII. Part 2. *Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategorii*. Plungian V. A. (ed.). Pp. 45–121.]
- Генюшене 2016 — Генюшене Э. Видовая vs. акциональная классификация глаголов в литовском языке // Дмитренко С. Ю. и др. (ред.). *Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие. Материалы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2010 г.)*. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 16–26. [Genyushene E. Aspectual vs. actional classification of verbs in Lithuanian. *Grammaticheskie kategorii v yazykakh mira: ierarkhiya i vzaimodeistvie. Materialy докладov (Sankt-Peterburg, 22–24 sentyabrya 2010 g.)*. Dmitrenko S. Yu. et al. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. Pp. 16–26.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/> [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru]
- Топоров и др. 2006 — Топоров В. Н. и др. *Языки мира. Балтийские языки*. М.: Академия, 2006. [Toporov V. N. et al. *Yazyki mira. Baltiiskie yazyki* [The world's languages. Baltic languages]. Moscow: Akademiya, 2006.]
- Ambrasas 2006 — Ambrasas V. (ed.). *Lithuanian Grammar*. Vilnius: Baltos lankos, 2006.
- Haspelmath 2003 — Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and crosslinguistic comparison. *The new psychology of language*. Vol. 2. Tomasello M. (ed.). Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum, 2003.
- Henri 2012 — Henri F. Attenuative verbal reduplication in Mauritian: A morpho-semantic approach. *The morphosyntax of reiteration in Creole and Non-Creole languages*. Oladé Aboh E., Smith N., Zribi-Hertz A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. Pp. 203–234.
- Hock 2010 — Hock H. H. Suprasegmental and prosodic historical phonology. *The Bloomsbury companion to historical linguistics*. Luraghi S., Bubenik V. (eds.). London: Bloomsbury, 2010. Pp. 106–116.
- Holvoet 2013 — Holvoet A. Obliqueness, quasi-subjects and transitivity in Baltic and Slavonic. *The diachronic typology of non-prototypical subjects*. Seržant I., Kulikov L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 257–282.
- Holvoet, Čižik 2004 — Holvoet A., Čižik V. Veikslo priešpriešos tipai. *Gramatinių kategorijų tyrimai*. Holvoet A., Semėnienė L. (eds.). Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla, 2004. Pp. 141–162.

LKT — Lietuvių kalbos tekstynas. Available at: <http://tekstynas.vdu.lt/tekstynas/>.

Menzenski 2013 — Menzenski M. *For an hour or so: A corpus analysis of diminutive temporal adverbials with delimitative verbs in Russian*. Undergraduate honors thesis. Department of Foreign Languages and Literatures. The University of New Mexico, 2013.

Pakerys, Wiemer 2007 — Pakerys J., Wiemer B. Building a partial aspect system in East. Aukštaitian Vilnius dialects of Lithuanian: Correlations between telic and activity verbs. *Acta Linguistica Lithuanica*. 2007. Vol. 57. Pp. 45–97.

Received / получено 14.03.2018

Accepted / принято 17.04.2018